

ОТКРЫТИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОЙ ПРОВИНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В 1960-е гг.

Рассматриваются состояние и перспективы освоения ресурсной базы Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг., анализируются различные подходы к выбору приоритетных регионов в решении проблемы перестройки топливно-энергетического баланса страны.

Ключевые слова: Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция; сырьевая база.

Необходимость перестройки структуры топливно-энергетического баланса страны в пользу нефти и газа, определенная во второй половине 1950-х гг. в качестве важнейшей государственной задачи, актуализировала проблему расширения ресурсной базы добычи данных видов углеводородного сырья. Экономические преимущества нефти и газа в сравнении с углем (себестоимость добычи, удельные капиталовложения на прирост добычи, уровень затрат живого труда) были неоспоримы, и успехи нефтегазопромысловых работ послевоенного периода позволили планирующим органам прогнозировать увеличение добычи нефти и газа в 1959–1965 гг. с 31,8 до 51% [1. С. 473]. При этом уровень нефти и природного газа в топливно-энергетическом балансе (в пересчете на условное топливо) должен был достичь к 1965 г. 49,5%. Удельный вес угля и низкокалорийных видов топлива (торф, дрова, сланцы) предполагалось снизить до 42 и 5% соответственно [2. С. 14]. Заметим, что в 1955 г. каменно-угольным топливом удовлетворялось более 75% общей потребности страны в топливе [3. С. 40].

Открытие в начале 1960-х гг. в Западной Сибири высокодебитных, многопластовых месторождений нефти и газа выдвинуло регион в качестве одной из потенциальных нефтегазоносных провинций страны, способных сыграть важную роль в структурной перестройке энергетического баланса. Однако это не означало, что Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция сразу стала рассматриваться как доминирующая и тем более как безальтернативная провинция. Признанием факта открытия новой провинции на официальном правительственном уровне стало принятое 19 мая 1962 г. Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» [4. Л. 76–77об.]. Постановление согласилось с мнением ученых и геологов-производственников, полагавших, что обнаружение в регионе нефтяных и газовых месторождений свидетельствовало о значительной нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности и создавало предпосылки для организации новой крупной базы нефтегазодобывающей промышленности на востоке страны. Вместе с тем было отмечено, что одним из существенных препятствий в достижении этой цели являются крайне недостаточные объемы поисковых и разведочных работ, обусловленные как трудностями освоения этой территории, так и слабой технической оснащённостью геологоразведочных организаций [4. Л. 76].

Для решения проблемы создания ресурсных запасов, необходимых для организации в 1966–1970 гг. в

Западной Сибири промышленной добычи нефти и газа с доведением их объемов к 1970 г. соответственно до 5 млн т и 10 млрд куб. м, Постановление предусматривало широкое развитие региональных геологических исследований и резкое увеличение глубокого разведочного бурения. В течение ближайших трех лет (1963–1965 гг.) объем бурения по Западной Сибири и Тюменской области должен был возрасти в 1,6 раза и достичь к 1965 г. соответственно 450 и 380 тыс. м, а к 1970 г. составить 700–800 тыс. м. Подготовленные к освоению запасы нефти по трем промышленным категориям должны были составить к 1966 г. 220 млн т, газа – 200 млрд куб. м и увеличиться к 1970 г. до 800–900 млн т нефти и 350–400 млрд куб. м газа [4. Л. 76].

Документ ставил задачу подготовить к разработке основные горизонты Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений нефти, провести пробную эксплуатацию скважин, законченных бурением, и в 1964–1965 гг. представить данные о запасах нефти этих месторождений на утверждение в Государственную комиссию по запасам. Постановление содержало также целый ряд конкретных предписаний министерствам и ведомствам по улучшению технической оснащённости геологоразведочных организаций и созданию необходимой инфраструктурной базы в районах проведения геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири. История принятия и реализации данного документа показывает, что понадобилось достаточно много времени и конкретные усилия многих заинтересованных лиц, чтобы переубедить противников активного освоения ресурсов Западной Сибири. Ссылаясь на воспоминания первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербины, В.Г. Чирсков (министр Миннефтегазстроя в 1980-е гг.) признавался, что открытие Шаимского, Усть-Балыкского, Мегионского, Западно-Сургутского месторождений в 1960–1961 гг. вовсе не означало, что все силы будут брошены на их освоение, на скорейшую доставку нефти до потребителя. «Судя по документам тех лет, – продолжает автор, – никаких значимых решений на правительственном уровне не принималось до тех пор, пока в декабре 1961 г. первый секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина не обратился с докладной запиской в ЦК КПСС, который в те годы олицетворял верховную власть в стране» [5. С. 73].

В своей записке Б.Е. Щербина констатировал открытие в Тюменской области нефтегазоносной провинции с большими потенциальными запасами нефти и газа. Это, по его мнению, ставило на повестку дня вопрос «о значительном увеличении объемов геологораз-

ведочных работ для организации в ближайшие годы нефтедобывающей и газовой промышленности» [6. Л. 281]. Интересен тот факт, что окончательное решение о направлении своей записки в Москву Щербина принял только после поездки в Сургут и личного знакомства с Ф.К. Салмановым, возглавлявшим тогда Сургутскую КГРЭ. Информация Тюменского обкома КПСС не осталась без внимания вышестоящей партийной инстанции. ЦК КПСС обязал Госплан СССР и соответствующие министерства представить в Совет Министров СССР конкретные предложения по записке обкома партии, которые, в свою очередь, «после долгих споров и тщательных экспертиз» и легли в основу постановления Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. [7. С. 128].

Стоит заметить, что к появлению данного документа и предваряющей его записки областного комитета партии имели самое непосредственное отношение тюменские геологи. До утверждения его на правительственном уровне проект постановления был рассмотрен на бюро Тюменского обкома КПСС в октябре 1961 г. с приглашением заместителя директора Тюменского филиала Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМСа) по науке Н.Н. Ростовцева и начальника Тюменского территориального геологического управления (ТГГУ) Ю.Г. Эрвье. Решение бюро признало необходимым «значительное увеличение объемов геофизических работ и глубокого бурения в целях быстрее выявления новых нефтяных месторождений и подготовки их к промышленной эксплуатации» [8. Л. 6, 8].

Далеко не все, от кого зависело принятие конкретных решений в этом вопросе, считали мнение геологов достаточно убедительным. Как признают специалисты, открытие крупных месторождений нефти в Западной Сибири оказалось «полной неожиданностью» для политического и хозяйственного руководства страны» и стало «откровением» для работников Госплана СССР и Госплана РСФСР, на протяжении многих лет игнорировавших решения съездов КПСС о развитии нефтегазовой промышленности в Сибири. Отсутствием «особого доверия геологам» объясняется, в частности, и нежелание Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР в начальный период его работы в Западной Сибири создавать в регионе «серьезную базу по освоению нефтяных месторождений» [9. С. 144, 148].

При геологической изученности региона, составившей в конце 1960-х гг. не более 15%, и «неопределенности геологических прогнозов промышленных запасов месторождений» недоверие к геологам было вполне объяснимым [10. С. 33]. Партийное руководство Тюменской области это хорошо понимало. Именно отсутствие «большого набора открытых месторождений» Б.Е. Щербина считал основной причиной, сдерживающей разработку «верной стратегии» освоения региона в 1960-е гг. [11. С. 260]. По его мнению, неопределенность «масштабов, темпов, географии добычи нефти и газа» сохранялась на протяжении всего этого периода [12. С. 81].

Действительно, в течение 1950-х гг. решение вопроса о перспективах нефтегазоносности территории при-

нималось в условиях ограниченного объема информации, что позволяло выполнить только качественный прогноз (без определения конкретных количественных показателей). Он основывался на общегеологических показателях и геоморфологических признаках отложений с эпизодическим использованием геохимических данных и, как правило, отвечал только на вопрос о благоприятности территории и ее возможной нефтегазоносности. Первая количественная оценка прогнозных ресурсов недр Западно-Сибирской низменности, утвержденная Министерством геологии СССР, была произведена сотрудниками Тюменского и Новосибирского геологических управлений совместно со специалистами Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ) и СНИИГГиМСа в 1957 г. К этому времени в Западной Сибири было пробурено всего восемь опорных скважин, получен промышленный газ в Березовском районе и непромышленные притоки нефти на Колпашевской площади Томской области [13. С. 14]. Подсчет производился методом «на осредненную структуру» с принятием экспертной величины коэффициента успешности для разных частей территории провинции.

Следует заметить, что цифры, представленные региональными научными и производственными организациями, были снижены сначала ВНИГРИ, а затем уменьшены специалистами нефтяного отдела Госплана СССР и Главгаза СССР и составили в результате по газу всего 3,3 трлн куб. м. По расчетам Госплана, прогнозные запасы нефти в Западной Сибири были определены в 1,3 млрд т, что составляло только 6,6% от общесоюзного уровня. При этом запасы нефти Волго-Уральской провинции оценивались ими на уровне 56% от союзных запасов [14. С. 17].

Открытие в начале 1960-х гг. нефтяных месторождений в Сибирском Приуралье и Среднем Приобье позволило дать новую оценку перспектив нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности. В 1961 г. специалистами СНИИГГиМСа и Новосибирского геологического управления была составлена прогнозная карта под редакцией Н.Н. Ростовцева, на основе которой была сделана первая, наиболее близкая к современной оценка потенциальных ресурсов нефти. При этом в расчет принимались только небольшие месторождения в Шаймском районе. Министерство геологии СССР сочло эту оценку завышенной, и в 1962 г. она была пересмотрена в сторону уменьшения.

Определение основных направлений геологоразведочных работ на нефть и газ в 1960-е гг. во многом зависело и от государственных приоритетов в выборе главных районов нефте- и газодобычи. С решением вопроса о районировании добычи нефти и газа на длительную перспективу все было далеко не однозначно. Так, по мнению московского исследователя М.В. Славиной, в отношении перспектив освоения нефтегазовых месторождений Тюменской области в первой половине 1960-х гг. существовало два предполагаемых сценария. Приверженцы одного из них, в числе которых автором названы тюменские геологи, министры газовой, нефтяной промышленности и геологии, а также партийные руководители Тюменской области, считали возможным уже во второй половине 1960-х гг.

начать активное освоение нефтяных месторождений Широтного Приобья, а затем в ближайшей перспективе – и газовых месторождений Ямала.

Сторонники второго сценария (главным «сценаристом» автор считает Н.К. Байбакова, возглавлявшего в 1964–1965 гг. Государственный комитет нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР) предлагали в течение ближайших 15–20 лет сохранить ставку на нефть Урало-Поволжья и газ Средней Азии. Что касается Западной Сибири, то, по их мнению, этот регион нужно было осваивать «постепенно, как бы исподволь, без переброски в заболоченную тайгу главных материальных и трудовых ресурсов, выделенных по отрасли» [15. С. 69]. Косвенным подтверждением позиции Байбакова служит, в частности, и его выступление на Всесоюзном совещании геологов в феврале 1965 г., в котором он утверждал, что в 1966–1970 гг. Западная Сибирь будет находиться в стадии подготовки [16. С. 98].

По свидетельству академика А.А. Трофимука, в ранге директора Института геологии и геофизики СО АН СССР принимавшего непосредственное участие в перспективном планировании геологоразведочных работ в Западной Сибири, среди плановиков Госплана РСФСР и СССР было много неверия в сибирскую нефть. Работники Госплана признавались ученому, что им никогда до этого не приходилось планировать так «беспочвенно, как развитие нефти в Сибири». Это вынуждало Трофимука «читать им лекции и внушать, что все затраты окупятся» [17. Л. 68]. О крупных просчетах Госплана в оценке и развитии новых перспективных районов, перестраховке, боязни риска в их освоении говорил и Б.Е. Щербина [18].

Наглядным доказательством подобного отношения планирующих органов служит визит в Госплан РСФСР в начале 1960-х гг. секретаря Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протозанова и директора Тюменского филиала СНИИГГиМСа Г.П. Богомякова, о чем пишет активный участник создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса Ю.П. Баталин. «Гости, – вспоминает Баталин, – предложили организовать в Тюмени добычу нефти, предлагая добывать примерно 10–15 млн тонн в год». На это предложение заместитель председателя Госплана, даже не посмотрев на геологические карты, разложенные на столе, заявил, что «огромные запасы нефти и газа, о которых много говорят тюменцы, не более чем плод провинциального и больного воображения». И заключил: «Надо прекратить дурить всем головы и заняться своими делами» [19. С. 238].

Наличие серьезных возражений в отношении перспектив Западной Сибири в 1960-е гг. подтверждает В.И. Игrevский, бывший в 1964–1965 гг. заместителем председателя Госгеолкома, а затем в 1966–1980 гг. – заместителем министра геологии СССР. «Споры по поводу освоения нового района, – пишет Игrevский, – было предостаточно. Настоящие руководители понимали: стране нужна нефть. Но можно понять и их оппонентов. Финансовых ресурсов не хватало. Куда их направить в первую очередь? Чтобы они сразу давали отдачу? Конечно, на юг – в Баку, Дагестан. Хорошо, что мы не пошли за этой сиюминутной выгодой. От-

крытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции все равно бы состоялось. Но это могло произойти и позднее» [20. С. 87].

Свидетельством определенного перелома в настроениях в пользу сторонников первого сценария явилось постановление Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», принятое 4 декабря 1963 г. [21. Л. 11об.–14]. Необходимость его принятия была обусловлена еще как минимум двумя причинами.

Во-первых, неудовлетворительным выполнением рядом ведомств предыдущего правительственного постановления от 19 мая 1962 г. по подготовке новых месторождений к промышленному освоению и развитию нефтегазодобывающей промышленности в Тюменской области [21. Л. 11об.]. «Работники Госплана и Министерства геологии явно не понимают значения постановления, а некоторые вышестоящие органы не считаются с постановлением и не хотят его выполнять», – признавался начальник ТТГУ Ю.Г. Эрвье в выступлении на I конференции Тюменского промышленного обкома КПСС в январе 1963 г. [22. Л. 118–119]. Руководитель геологического управления привел и конкретные факты, подтверждающие подобное отношение. Так, в частности, в нарушение постановления, предусматривавшего в 1963 г. финансирование строительства обустроенных баз для геологов в объеме 8 млн руб., Госплан выделил на эти цели только 3 млн. Одновременно были снижены и фонды материально-технического снабжения для Тюменского геологического управления. В результате геологи не смогли получить 3 тыс. т обсадных труб, 10 буровых установок, а также транспортные средства, долота и буровые станки.

Неудовлетворительное выполнение правительственного постановления 1962 г. признала и специальная комиссия сотрудников Госкомитета по топливной промышленности, Министерства геологии и охраны недр СССР и Главгаза СССР, направленная в октябре 1962 г. на нефтяные и газовые месторождения Тюменской области. Члены комиссии отметили крайне медленную подготовку к проведению пробной эксплуатации Усть-Балыкского, Мегионского и Шаймского месторождений. Так, по истечении нескольких месяцев, прошедших со времени принятия постановления, не был решен вопрос с резервуарным парком и нефтесборной сетью, что не позволяло организовать реализацию нефти в период пробной и тем более в условиях ее планомерной добычи. При этом члены комиссии признавали, что задания по приросту запасов, установленные постановлением 1962 г., могут быть перевыполнены и имеются все геологические предпосылки для более быстрых темпов развития добычи нефти и газа в регионе [23. Л. 9]. Результаты работы комиссии были доложены председателем Госкомитета по топливной промышленности Н.В. Мельниковым в Совет Министров СССР. На документе рукой первого заместителя председателя СМ СССР А.Н. Косыгина сделано распоряжение СНХ СССР, ВСНХ, Комитету по топливной промышленности и другим организациям «представить предложения» по докладной записке Мельникова [24. С. 264].

Во-вторых, изменившимися обстоятельствами, определившими необходимость уточнения плановых показателей добычи нефти и газа, определенных постановлением 1962 г., корректировка была обусловлена открытием в 1962–1963 гг. на территории Тюменской и Томской областей целого ряда новых месторождений. Прогнозные запасы вновь открытых месторождений позволяли ставить вопрос об увеличении добычи нефти и газа в регионе. Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. предусматривало к 1970 г. обеспечить подготовку к промышленному освоению запасов нефти и газа по месторождениям Тюменской области в объеме соответственно 1200 млн. т и 550 млрд. куб. м газа, что превосходило показатели, намеченные предыдущим постановлением, в 1,5 раза [21. Л. 12].

В марте 1963 г. пленум Тюменского промышленного обкома КПСС, заслушав информацию начальника Тюменского территориального геологического комитета Ю.Г. Эрвье о новых геологических открытиях, принял решение представить в ЦК КПСС и правительство предложения об ускорении промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений области. По мнению геологов, вновь открытые месторождения позволяли планировать добычу нефти и газа в 1970 г. в объеме соответственно 10 млн. т и 14 млрд. куб. м, что в 2 и 1,4 раза превышало показатели, определенные постановлением Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. [25. Л. 12].

Несмотря на начавшуюся пробную, а затем и промышленную добычу нефти, на протяжении 1960-х гг. освоение месторождений Западной Сибири не являлось приоритетным направлением в энергетической стратегии страны. Кроме неопределенности прогнозных запасов новой нефтегазоносной провинции это объяснялось наличием у нее серьезных конкурентов и влиятельными противников создания новой доминирующей провинции в суровых условиях Сибири. Именно по этой причине и правительственные постановления 1962 и 1963 гг. предусматривали в первую очередь «усиление» и «дальнейшее развитие геологоразведочных работ» для подтверждения потенциальных возможностей ресурсной базы региона. Заметим, что косвенным свидетельством значимости принятых документов является тот факт, что они имели уровень правительственных, а не партийно-правительственных постановлений.

К началу 1960-х гг. не исчерпала своего сырьевого потенциала Волго-Уральская нефтегазоносная провинция, в недрах которой по расчетам специалистов находилось более 80% промышленных запасов нефти страны, на территории было открыто более 150 месторождений и имелось 250 площадей, перспективных на нефть. В течение 1950-х гг. регион увеличил добычу нефти в 9,4 раза и продолжал давать основной прирост добычи нефти, обеспечивая 67,7% общесоюзной добычи [3. С. 240].

Весьма оптимистическими в 1960-е гг. виделись перспективы и Тимано-Печорской провинции. Открытие высокодебитного Вуктыльского газоконденсатного месторождения, крупного Усинского нефтяного месторождения и ряда других месторождений позволяло ставить вопрос о создании нового нефтедобывающего района на севере Коми АССР. О динамичном развитии Тимано-Печорской провинции в 1960-е гг. свидетель-

ствуют показатели приростов запасов нефти и особенно газа промышленных категорий. Так, в 1961–1965 гг. провинция обеспечила прирост 128 млн т нефти и 27 млрд куб. м газа, в 1966–1970 гг. прирост запасов увеличился соответственно до 168 млн. т и 383 млрд куб. м, т.е. в 1,3 и 14,2 раза [26. С. 20, 22]. Необходимость концентрации сил на освоении нефтяных месторождений Коми АССР и Архангельской области признавали директивные и плановые органы страны. В частности, о конкурентоспособности Коми – района, по его мнению, не менее перспективного, чем Тюмень, свидетельствовало выступление руководителя Госплана СССР Н.К. Байбакова на уже упоминавшемся Всесоюзном совещании геологов 1965 г. [16. С. 98].

В планах поисково-разведочных работ на нефть и газ Министерства геологии СССР на 1959–1965 гг. «исключительно перспективными» выделялись и среднеазиатские республики. При этом у Министерства не было сомнений, что именно здесь «в самом недалеком будущем геологами будет подготовлена третья (!) крупнейшая нефтегазоносная область СССР» [27. С. 2].

Кроме Средней Азии, специалисты Главного управления газовой промышленности и Министерства геологии планировали получить основной прирост промышленных запасов газа в первой половине 1960-х гг. в районах Поволжья, Северного Кавказа, Украины и Азербайджана. В районах Западной Сибири в это время прогнозировался сравнительно небольшой прирост, учитывая «трудности освоения этих территорий и слабую их геологическую изученность». Работы, которые намечались здесь на период 1959–1965 гг., должны были подготовить регион «к широкому развитию разведок в последующие годы» [28. С. 7].

В борьбе за приоритеты в направлении финансовых потоков столкнулись интересы региональной и ведомственной бюрократии. В ряде публикаций участники этой борьбы названы, хотя и не персонифицированы. Так, по мнению тюменских историков, в конце 1950 – первой половине 1960-х гг. в борьбе за распределение денежных ресурсов столкнулись интересы «железного» лобби в Госплане СССР, добивавшегося перераспределения средств в пользу металлургии, совнархозовских деятелей Волго-Уральского района и Министерства нефтяной промышленности СССР, боровшихся за средства, отпускаемые на геологоразведку в новых районах страны, и руководителей ряда республик, организовавших поиск «своей» нефти на заведомо бесперспективных территориях Закавказья и Прибалтики [29. С. 232–233].

Следует заметить, что среди исследователей, занимающихся историей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, существуют разногласия относительно времени, когда задача его создания приобрела долгосрочный, стратегический характер. По мнению М.В. Славкиной, уже решения XXIII съезда КПСС (1966 г.) свидетельствовали о «победе» сценария развития нефтегазового комплекса, доказывавшего «необходимость прорыва нефтяников и газовиков в Тюменскую область» [15. С. 72]. Эта точка зрения оспаривается В.П. Карповым, полагающим, что «формулировка директив съезда по пятилетнему плану не дает оснований для столь однозначного вывода», поскольку наряду

с необходимостью освоения ресурсов Западной Сибири они предусматривали создание новых центров нефте- и газодобычи и в других районах страны, а также значительное увеличение добычи нефти в старых районах [16. С. 98]. Как считает автор, сомнения относительно Западной Сибири отступили только к концу 1960-х гг., а одним из свидетельств перелома служит постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, принятое в декабре 1969 г., «в котором цель программы создания новой топливно-энергетической базы СССР была задана в виде контрольных цифр» [30. С. 102]. «Очень осторожной» называет оценку недр Западной Сибири, данную в постановлении Совмина СССР от 19 мая 1962 г., С.М. Панарин. Доказательством этому, в частности, служат показатели планируемого среднегодового объема глубокого разведочного бурения по Западной Сибири, которые, по подсчетам автора, были на 20% ниже уровня, предписанного проектом Министерства геологии и охраны недр СССР в 1958 г. [31. С. 170]. О «затягивании» сроков освоения провинции до тех пор, когда

в европейских районах СССР уже наметилось исчерпание эффективных месторождений нефти и газа, а перед страной встала угроза нефтяного кризиса, пишут В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк [32. С. 20].

На наш взгляд, окончательный перелом в отношении создания новой доминирующей провинции на базе нефтяных и газовых ресурсов Западной Сибири произошел не ранее второй половины 1960 – начала 1970-х гг. Постановления Совета Министров СССР начала 1960-х гг. решали сугубо тактические задачи вовлечения в промышленную эксплуатацию месторождений региона с целью определения прогнозных запасов. Открытие во второй половине 1960-х гг. новых уникальных месторождений на территории Западной Сибири и накопленный опыт промышленного освоения региона позволили поставить масштабные стратегические задачи уже на длительную перспективу и сделать ставку на Западно-Сибирскую нефтегазоносную провинцию как главную базу, способную обеспечить долгосрочный прирост ресурсов углеводородного сырья.

ЛИТЕРАТУРА

1. XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 2.
2. Томашипольский Л.М. Нефть и газ в перспективном топливно-энергетическом балансе страны // Нефтяное хозяйство. 1961. № 10.
3. Энергетические ресурсы СССР. Топливо-энергетические ресурсы / Под ред. Н.В. Мельникова. М.: Наука, 1968.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 5. Д. 1249.
5. Чирсков. Жизнь на опережение. М.: ИСТ-ФАКТ, 2004.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 140. Д. 31.
7. Комгорт М.В. Документ в контексте времени (история принятия постановления Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г.) // Документ в контексте универсальных практик: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007.
8. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 151. Д. 60.
9. Мальцев Н.А., Игrevский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. М.: ВНИИОЭНГ, 1996.
10. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.
11. Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.). Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. Т. 2.
12. Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.
13. Мясникова Г.П. Динамика оценок прогнозных запасов Западной Сибири // Труды ЗапСибНИГНИ. Тюмень, 1972. Вып. 53.
14. Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск: СНИИГиМС, 1996.
15. Славкина М.В. Как в 1960-е годы принималось решение об освоении Западной Сибири // Нефть, газ и бизнес. 2004. № 8–9.
16. Карпов В.П. Тюмень в нефтяной политике СССР в 1960-е гг. // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2006. № 12.
17. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 150. Д. 81.
18. Тюменская правда. 1965. 3 окт.
19. Андриянов В.И. Косыгин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2004.
20. Игrevский В.И. Большая нефть давалась непросто // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2004. № 6.
21. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280.
22. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 1.
23. ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 9.
24. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1.
25. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5.
26. Тимано-Печорская провинция: геологическое строение, нефтегазоносность и перспективы освоения / М.Д. Белонин, О.М. Прищепа, Е.Л. Теплов и др. СПб.: Недра, 2004.
27. Геология нефти и газа. 1959. № 1.
28. Газовые ресурсы СССР. М.: Гос. науч.-техн. изд-во нефт. и горно-топл. лит-ры, 1959.
29. Карпов В.П., Панарин С.М. Нефтегазодобывающая промышленность Западной Сибири: исторические корни современных проблем // Ежегодник ТОКМ: 2000. Тюмень, 2001.
30. Карпов В.П. О стратегии создания ЗСНГК (исторический аспект) // Нефть и газ. Известия высших учебных заведений. 2006. № 6.
31. Панарин С.М. Открытие сургутской нефти // Очерки истории Сургута. Сургут: Диорит, 2002.
32. Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск: Наука, 1989.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2009 г.